

Наталья Урванцева

Родник памяти

Над водами тёмного моря

Во взоре бушует гроза.

Хоть губы поджаты в укорё,

Но светят упрямством глаза

Не юного мужа по виду,

Седого на оба виска,

Что морю не выдаст обиду

За то, что кончина близка.

Драккар раскололся о скалы,

Что скрыли себя под водой.

Ни руки, ни опыт бывалый

Не справились с этой бедой.

Лежит подле берега гордый

Терзаемый волнами борт,

Который родился на норде

И в море был крепче чем форт.

Лежит и уже не восстанет,

Не вскинет свои паруса,

Луч солнца его не застанет —

Рвут волны и бьют небеса.

Взирая погибели волю,

Лежащий на камнях изгой,

Пропитанный кровью и солью

Воскликнул: «Мгновенье, постой!»

И вскинув в прощании руку,

Обломков коснуться стремясь:

«Мы верными были друг другу

И вместе уйдём, не стыдясь!

Я шрамов своих не считаю

И раны, что ныне на мне,

Что так изнутри пожирают,

Сжигая в предсмертном огне,

Меня не настоль ужасают

И душу не ранят мою,

Как волны, что борт твой терзают,

Торопят погибель твою».

Кулак опустил жестоко

На каменный берег сырой:

«Мы жили с тобой не убого

И встанем пред смертью горой!

Когда бы она не явилась

С собой унеся в никуда,

С тобою судьба полюбилась

И будет со мной навсегда».

Сомкнулись усталые веки,

Но губы твердили в ночи:

«Морского разбоя набеги,

Стихия, твои горячи.

И даже когда ты беснуешь

Водой и небесным огнём

Меня ты всё также волнуешь.

Ликует всё в сердце моём!

Пусть бой, что вели, за тобою

Сегодня, мне завтра не жить,

Но я унесу за собою

Туда, где случится мне быть,

Недели, мгновения, годы,

Где ветру послушна волна —

Твои бесконечные воды,

Что ты мне дарила сполна.

Твои безграничные дали,

Холодную синь глубины

И ветры, что парус трепали,

Не ведая в этом вины.

И волны, что брызги бросая

В мою распростёртую грудь,

Драккар мой любовно лобзали

Не ставя препятствий на путь.

Весь путь, что прошёл — небезвинный,

Быть может проложен судьбой,

Кровавых сражений былины...

Я тоже возьму за собой.

Мой друг, мой драккар, мой товарищ

Он был мне мечом и щитом.

Пройдя с ним набегов пожарищ

Забыть не смогу ни по чём.

И женщин, в сраженьях пленённых,

Рождая желание в них,

Любил я, тобой покорённый,

В прекрасных закатах твоих.

И их заберу, но прославлю

В том месте, где вскоре мне быть

Тебя лишь одну. Не оставлю

И мига с тобой позабыть».

Открылись в прощании веки,

Скатилась солёная грусть

И шепот последний на берегу:

«... я если сумею, вернусь...»

Последних намерений шепот

Слетел, не тревожа прилив,

Но кто-то, не ведая ропот,

Услышал знакомый призыв.

На берег ступив безразлично

Костлявой ступнёю босой

Фигура в одежде привычной,

Готовая к жатве, с косой.

Взглянула на еле живую

Могучую стать моряка,

Чьи раны, возьми хоть любую,

Кровавые льют берега.

Не долго осталось — мгновенье

И руку к нему протянув,

Фигура застыла в волненье,

Свои же порывы спугнув:

Бывало, встречались ей души

Морскою стихией больны,

Но все они, в сущности лужи,

В сравнении с этой, бледны.

Такую, при всём уваженье,

Любовь к просолённым ветрам

В беспамятстве тьмы, к сожаленью,

Не вытравить сотне векам.

Но, как бы оно не случилось...

Костлявой и сильной рукой

Фигура за дух ухватилась:

«Ты мой, этой жизни изгой.

Тебя забираю в объятья

Безвременья-небытия.

Пусть это противоядьё

В чертогах не жития

Тебя облобызает забвеньем,

Пронзит и сжимая тиски,

Со свойственным там вдохновеньем,

Избавит тебя от тоски.

И быть тебе в вечном покое,

Покуда стихия морей

Тебя повергает в такое,

Покуда ты помнишь о ней».

Косой разрезая пространство,

С душой устремилась в проём,

Оставив и берега рванство,

И мёртвое тело на нём.

Промчались десятками годы,

Столетия канули в быль.

Раздолья степного свободы

Качает под ветром ковыль.

Дороги, пути, магистрали

В степи расчертили узор.

Но это испортит едва ли

Её безграничный простор.

Её травяные покровы,

Бурлящую жизнь родников,

Что травы раздвинув махрово,
Сбегают тропой ручейков.

Несутся машины по трассам
В закат и встречают рассвет
И в полдень, слепящим алмазом
Им солнце дарует привет.

Несутся вперёд безразлично —
Дела пролагают пути.
Не всех очарует — привычна,
Великая пустошь степи.

Но вот у обочины скромно
Одна из машин замерла.
Затихла в волнении томном,
Отсрочив другие дела.

Мужчина, чей облик типичен
Десятку четвёртому лет,
Маршрутом, что стал уж привычен
В глубь трав направляет свой след.

От города, тесного плена,
Где стены бетонных домов,
Душою подняться с колена

Чуть больше двух сотен шагов.

Подальше от серой дороги
Есть место — знакомый родник,
Хоть воды его не глубоки,
Но дух окрыляют за миг

Таким, что подобно магниту,
Назад пробивая века,
Тянуло, как солнце к зениту,
В суровую жизнь моряка.

Морского матёрого волка,
Чья жизнь не бывала легка.
Из памяти? Сна? Не на долго
Являлась с водой родника.

Казалось, что прошлого воды,
Сметая плотины веков,
Войдя в современные годы,
Срывают забвенья покров.

В такое душой окунуться
На фоне ковыльной волны,
Былого на время коснуться...
Желаний сосуды полны.

И встав у воды на колени,
Её набирая в ладонь,
Лицо освежить и в мгновение
Пронзается времени бронь.

Раздольного ветра набеги
Лицо обдувают и в грудь
Толкают, смыкаются веки
И образов видится путь:

Широкое тёмное море
Волнами по берегу бьёт.
В бушующем этом укорё
То ль ищет, то ль просит, то ль ждёт.

Кого неизвестно, но видно
Душа его болью кипит
По ком-то тоскуя солидно...
Но вскоре меняет свой вид:

Явив синеокие дали,
За грань горизонта маня.
Закатов прекрасные шали,
Алмазы ночного огня;

Ветра, что волну поднимают
Взбивая короны из пен.
Всем видом своим призывая
В просторный и сладостный плен;

Над парусом кружатся птицы.
Драккар разрезая волну
Стремится в закате укрыться
Подобном волшебному сну;

Мелькают суровые лица,
Знакомые прошлым, былым,
Готовые боем напиться,
Дать волю рукам молодым;

И женщины видом — царицы.
Во взоре их гордость... но вскрик
Слетая в ночи растворится
Сорвавшись в волнительный миг;

В разрывах седого тумана
Обманчиво берег мелькнёт
И отдых накопленным ранам
В родном поселении придёт;

И снова дорога по волнам

С рассвета и прямо в закат

По морю волнением полным.

И лучше не надо наград!

Открылись сомкнутые веки —

С лица ветер влагу слизал.

Родник в ручейковом побеге

Свой путь по степи указал.

Испив родниковой прохлады,

Степенно поднявшись с колен

Мужчина, подобно солдату,

В объятия каменных стен

Вернётся. Но выйдет печально

Дорогой солёная грусть

И память прошепчет прощально:

«... я если сумею, вернусь...»

Машина, дорога и вскоре

За окнами город бежит.

Душа, опьянённая морем,

С родными обняться спешит.

В уюте домашнего блага

Из будней и праздничных дней

Однажды напишется сага

О море, среди гордый степей,

Что выльет в чернильном узор,

Черпая из памяти рек,

С душой покорённою морем

Рождённый в степи человек.